

Митрополит Волоколамский Иларион дал интервью журналу «Фома»

Ни один другой доклад на X Генеральной ассамблее Всемирного совета церквей, проходящей в эти дни в южнокорейском городе Пусан, не вызывал столько возбуждения, восхищения и возмущения у аудитории. Дело в том, что в своем выступлении председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион констатировал "целенаправленное разрушение традиционных представлений о браке и семье" в так называемых развитых странах. "Об этом свидетельствует такое новейшее явление, как приравнивание гомосексуальных союзов к браку и предоставление однополым парам права усыновлять детей, – сказал в частности митрополит Иларион. – С точки зрения библейского учения и традиционных христианских нравственных ценностей, это свидетельствует о глубоком духовном кризисе. Религиозное понятие греха окончательно размывается в обществах, до недавнего времени осознававших себя как христианские". Реакция участников ассамблеи на эти слова была бурной. Одни уже во время доклада энергично трясли в воздухе голубыми карточками – так, согласно процедуре, выражается несогласие. Другие после выступления подходили к микрофону, выражали солидарность, а затем плотным кольцом обступили докладчика и горячо благодарили. О целях и результатах по-своему провокационного доклада "Фоме" рассказал сам митрополит Иларион.

– Владыка, Вы заранее знали, что "разворошите улей" своим выступлением?

– Я очень хорошо представляю атмосферу Всемирного совета церквей, знаю настроения людей и примерный расклад сил. Одно из слабых мест ВСЦ заключается в том, что расклад сил в христианском сообществе представлен здесь не вполне адекватно. Например, самая крупная христианская Церковь – Римско-Католическая, которая в нравственном плане стоит на достаточно консервативных позициях – здесь почти совсем не представлена. Очень громкий голос на ВСЦ всегда звучит со стороны протестантов Севера и Запада, но вот протестантские церкви Юга – в частности Африки и Ближнего Востока – представлены недостаточно. Дискуссия после моего выступления показала, что большинство членов Всемирного совета церквей, несмотря на преобладающую либеральную повестку дня, стоят на консервативных позициях в нравственных вопросах. Например, делегат от одной протестантской церкви Конго сказала, реагируя на мой доклад, что вся Африка разделяет нашу позицию по поводу семейной этики и недопустимости приравнивания однополых союзов к браку. А вся Африка – это немало, целый континент. Ближний Восток также поддерживает эту позицию. Митрополит из Египта говорил от лица Дохалкидонских Церквей – и они с нами согласны. Поэтому, думаю, у нас достаточно широкая поддержка во

Всемирном совете церквей. Нашу позицию по нравственным вопросам разделяют две трети не православных членов ВСЦ. Но все же нельзя забывать и о либеральных голосах – это прежде всего церкви Западной Европы и Скандинавии, а также часть американских церквей. Надо учитывать, что они являются главными донорами совета – оказывают ему основную финансовую поддержку. В этом плане у них здесь традиционно очень сильная позиция.

– Какой смысл тогда в работе Русской Православной Церкви на ВСЦ? Ведь западные "либеральные" церкви все равно не признают свою неправоту. Вы готовы идти с ними на компромисс?

– Мы никогда ни с кем не идем на компромиссы. Но давайте вспомним евангельскую притчу о сеятеле. Когда мы бросаем семя, мы никогда не знаем, упадет ли оно на каменистую почву, или в терние, или птицы его поклюют, или оно упадет на плодородную почву. В зале пленарных заседаний ВСЦ было около 2000 человек, и, думаю, среди них немало тех, чье сердце является как раз плодородной почвой. Они унесут сказанное в свои церкви, расскажут о том, что слышали. Вы сами видели, что многие подходили ко мне и благодарили за выступление (поднятых голубых табличек несогласия во всем зале было и вправду всего пятнадцать-двадцать – прим. авт.). При этом несогласные будут всегда, и мы это знаем заранее. Но я никогда не стараюсь подстраиваться под чужой стиль, под чужие стандарты. Я знаю, что мне дано пятнадцать минут и их надо использовать. Ведь когда еще представится возможность (и представится ли вообще?) высказаться на такую аудиторию? Я считаю, что голос Церкви должен быть пророческим, он должен говорить правду, даже если эта правда неполиткорректна и не соответствует современным секулярным либеральным стандартам, что и происходит сейчас. В этом смысле наше свидетельство на ВСЦ требует определенной смелости, готовности услышать критику и ответить на нее, но также требует доброжелательности. Мы не можем просто "бичевать пороки". Мы должны говорить людям о правде Божьей, но говорить с любовью и уважать их позицию до тех пор, пока эта позиция не расходится в Евангелием.

– Делегат от методистской церкви Африки Вам все же возразила. По ее словам, однополые браки не такая страшная проблема, страшнее то, что подростки совершают самоубийства, когда осознают свою нетрадиционную ориентацию и думают, будто их за это осудят, а Церковь, критикуя гомосексуализм, вроде как способствует такому осуждению. Что Вы готовы ответить?

— Это две совершенно разные темы, которые нельзя смешивать. Насилие в семьях, подростковые самоубийства и многие другие социальные бедствия, которые свойственны и нашей стране, и странам третьего мира, и так называемым развитым странам, – все эти проблемы требуют внимания Церкви. Но одно не исключает другое, и одно не связано с другим напрямую. Мы не

говорим, что другие проблемы не надо решать. Но есть то, что угрожает христианской цивилизации как таковой. Мы говорим об основах семейной этики, о том, что Церковь призвана защищать семью такой, как она описана в Библии, что Библия – наша общая вероучительная основа.

– А протестанты говорят, что Библию можно по-разному интерпретировать...

– Это так. Даже святые отцы по-разному интерпретировали отдельные места и притчи из Священного Писания. Но в Библии есть то, что исходит из уст Божьих, – божественные заповеди. В них нет никакой амбивалентности. В них все сказано просто и прямо. Это касается в том числе и того, что брак – это союз мужчины и женщины. Никаких альтернативных форм брака Библия не знает. Если мы перетолковываем что-то, что сказано предельно прямо и однозначно, то это уже не интерпретация, а искажение, сознательное искажение библейского учения. Некоторые протестанты обижаются, когда мы утверждаем, что они не имеют права перетолковывать Библию. Да, мы считаем, что никто не имеет права интерпретировать в противоположную сторону то, что сказано вполне определенно.

– Вторая тема Вашего доклада – по не менее болезненному, казалось бы, вопросу преследования христиан на Ближнем Востоке и в других регионах, не вызвала такого бурного обсуждения, как тема однополых браков. Что Вы об этом думаете?

– Представители церквей Ближнего Востока, Северной Африки и всех тех стран, где христиане подвергаются преследованиям, как раз очень озабочены тем, что Всемирный совет церквей эту тему озвучивал, на эти акты насилия реагировал и способствовал тому, чтобы ситуация изменилась к лучшему. Но в ВСЦ на протяжении многих лет преобладала европейская либеральная повестка дня. И для многих европейцев совершенно неинтересно думать о тех христианах, которых подвергают преследованиям и убивают за веру. Для этих европейцев интереснее думать о соблюдении так называемых демократических свобод.

– Есть мнение, что слова, заявления, декларации – то, чем занимается Ассамблея ВСЦ , реально никак не влияют на судьбу тех христиан, которых убивают, скажем, на Ближнем Востоке...

– Мы не ограничиваемся словами и декларациями. Декларации принимаются, чтобы за ними последовали действия. Хотя, к сожалению, очень часто в современном мире люди на декларациях и заканчивают свою активность. Например, в 2011 году Европейский Союз сделал важное заявление о гонениях на христиан и даже предложил механизм их защиты, а именно: чтобы любая политическая и экономическая поддержка тем странам, где христиан преследуют,

осуществлялась только в обмен на гарантии безопасности христиан. Это тот механизм, который должны были бы приводить в действие политические лидеры. Но мы не видим, чтобы это происходило. Пока декларация осталась только на бумаге. К сожалению, многое из того, что говорится в межхристианском контексте, тоже остается только благопожеланиями. В то же время, многие из церквей, присутствующих на ассамблее ВСЦ, имеют рычаги влияния на государственных лидеров. Если говорить о Русской Православной Церкви, то мы тесно сотрудничаем с руководством Российской Федерации по вопросам международной проблематики – в том числе с целью защиты христиан Ближнего Востока. Если говорить, например, о церкви Англии, то и она имеет возможность влиять на позицию Великобритании в подобных вопросах. Таких примеров можно привести много.

– В Вашем докладе есть слова о том, что "христиане являются самым гонимым религиозным сообществом на планете". В чем причина?

– Давайте вспомним всю историю христианства. В течение первых трех веков Церковь была преследуема практически повсеместно. Потом времена менялись, но волны гонений на Церковь вновь и вновь возникали, причем приходили они с разных сторон. На протяжении многих веков Православная Церковь жила то под арабским, то под монгольским, то под турецким игом. В XX веке в нашем отечестве, когда безбожие стало официальной идеологией, Церковь подвергалась жесточайшему геноциду: физически истребили большинство духовенства, закрыли почти все монастыри и более девяносто процентов храмов. И вплоть до недавнего времени Церковь оставалась гонимой – люди моего поколения еще застали это время. Христос ясно сказал своим ученикам, что в этом мире они будут гонимы. Так это и происходит, пусть и с перерывами.

– Среди многих верующих в России отношение к ВСЦ – сдержанное или отрицательное: движение экуменизма воспринимается как попытка признать незначительными различия в вероучениях, а значит по сути признать незначительной саму веру. И тем не менее Русская Православная Церковь в работе ВСЦ уже много лет участвует. Что Вы могли бы сказать людям, которые не понимают, зачем все это нужно?

– Если бы такие люди были сейчас с нами на ассамблее, то они бы увидели, что никто здесь не занимается поиском вероучительных компромиссов или попытками сблизить разные христианские конфессии. Каждая конфессиональная группа четко очерчена и имеет свою позицию, которую выражает и отстаивает. И никакого вероучительного сближения не происходит. Конечно, в самом начале, когда экуменическое движение только создавалось (в довоенный период), и когда оно оформлялось (после войны), у многих людей были мечты, что при помощи участия в таком движении можно преодолеть и вероучительные различия. Но сейчас стало очевидно, что эти мечты несбыточны, они были основаны на ошибочном анализе. Различия между христианами

разных конфессий гораздо глубже, чем можно было ожидать. Более того, эти различия только углубляются и возникают новые различия, которых не было в середине XX века, когда создавался Всемирный совет церквей и когда институционально оформлялось экуменическое движение. В качестве примера могу обратить Ваше внимание на ту пропасть между консерваторами и либералами, которая образовалась сегодня в христианском сообществе и которую пятьдесят лет назад даже трудно было себе представить. Я имею в виду пропасть между консерватизмом и либерализмом не в вероучительных вопросах, а вопросах нравственных и социальных. За последние пятьдесят лет протестантские Церкви прошли огромный путь, и как мне кажется, этот путь увел их от Православия намного дальше, чем предшествующие четыреста пятьдесят лет развития Реформации. Мы сейчас стоим друг от друга очень далеко и не можем говорить с протестантами Запада и Севера единым голосом. В этом отношении ВСЦ представляет собой важную площадку для обмена мнениями. Для Русской Православной Церкви это в первую очередь площадка, где мы можем выражать свою позицию в защиту традиционных христианских нравственных ценностей. Какая бы то ни было богословская проблематика не является сейчас в ВСЦ доминирующей. Она в основном выведена в сферу компетенции Комиссии «Вера и устройство», которая старше самого ВСЦ. Но и в рамках этой комиссии не происходит никакого сближения между христианами разных конфессий. Такая задача перед ВСЦ уже давно не стоит.

– Каков Ваш личный итог участия в нынешней ассамблее?

– Это уже третья ассамблея ВСЦ, в которой я участвую в качестве главы делегации Русской Православной Церкви. Первая проходила в Хараре (Зимбабве) в 1998 году. Наша Церковь направила туда небольшую делегацию в составе трех человек, которая в процессе пребывания там расширилась до пяти. Я был тогда в сане иеромонаха. И то, что у нас в делегации не было ни одного архиерея, было сигналом для ВСЦ – сигналом, посланным сознательно. Мы были очень недовольны повесткой дня совета, методом принятия решений и тем, что все меньше и меньше места оставалось для свидетельства о Православии. Мы предприняли тогда целый ряд энергичных мер для того, чтобы эту ситуацию изменить, и мы ее изменили. По инициативе Русской Православной Церкви в том же 1998 году было созвано всеправославное совещание в Солониках (Греция), жесткую позицию занял глава Отдела внешних церковных связей митрополит Кирилл (нынешний Патриарх Московский и всея Руси — прим. авт.). Было принято заявление, в котором мы потребовали от Всемирного совета церквей прислушаться к голосу православных, обеспечить наше участие не только в обсуждении вопросов, вынесенных на повестку дня, но и в формировании самой повестки дня, обеспечить принятие решения только методом консенсуса, обеспечить дополнительные механизмы взаимодействия между православными Церквями и ВСЦ. Эти механизмы до сих пор действуют. Принятые меры, на мой взгляд, помогли в некоторой степени выправить положение дел. Мы сейчас имеем все возможности заявлять и защищать свою позицию во Всемирном совете церквей. В этом плане ситуация в ВСЦ изменилась в лучшую

сторону. Ассамблея в Порту-Алегри (Бразилия) в 2006 году, где я также был главой делегации, а митрополит Кирилл участвовал в качестве почетного гостя, свидетельствовала о том, что ВСЦ готов прислушиваться к мнению Православных Церквей и готов учитывать их позицию. И нынешняя ассамблея также демонстрирует эту готовность. Другое дело, что мы, конечно, не рассчитываем на поголовное согласие всех участников. Мы видим в ВСЦ явную доминанту либерального крыла мирового христианства. Повторюсь, оно занимает здесь в пропорциональном отношении больше места, чем в реальном раскладе сил в христианском сообществе. Но наше участие в работе ВСЦ имеет вполне определенный смысл – мы используем эту площадку в качестве миссионерского поля.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/52069/>